

**МАНИХЕЙСТВО И СМЕХ В РОМАНЕ М.
БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Прежде всего следует заметить, что чтение произведений М. А. Булгакова часто превращается в увлекательный поиск их источников, поскольку общеизвестна насыщенность творчества писателя скрытыми и явными цитатами, вариациями и интерпретацией «чужих» мотивов. М. А. Булгаков как постмодернистский писатель постоянно интерпретирует и зашифровывает «чужое слово». Одной из задач данной статьи является поиск некоторых из этих источников. Отметим, что значительная, если не большая, часть источников, используемых М. А. Булгаковым, относится к неортодоксальной религиозной литературе. Если точнее, то к литературе, представляющей манихейскую традицию. Помимо богословских расхождений с ортодоксальным христианством, для этой традиции (по крайней мере, для такой её «модификации» как альбигойская ересь) характерна определённая смеховая составляющая, не приемлемая традиционным христианством, в частности, католицизмом. Характеристика этой смеховой составляющей манихейской традиции также является задачей нашего исследования.

Что касается догматических основ манихейства, то они всегда представляли и представляют (поскольку манихейство продолжает существовать в виде изидизма) собой синтез философской гностической традиции, зороастризма и христианства (а в настоящее время – ещё и ислама). В результате этого синтеза в манихействе возникло признание дуализма доброго и злого начал, царства света и духа, и царства тьмы и материи. Эти царства разделены между Сыновьями Божьими – старшим Сатаной, или Люцифером (ещё одно из имён или, точнее, одна из ипостасей – Воланд) и младшим Иисусом Христом. Если в царстве добра, света и духа господствует Бог и его младший Сын, а само это царство расположено в «горних сферах», то в царстве зла, тьмы и материи, расположенном на земле, повелевает старший Сын Божий. В это сосуществование двух миров верили не только манихеи, но многие другие еретики, происхождением своим обязанные в конечном

итоге именно манихейству: богомилы, патарены, вальденсы, тиссераны, и, наконец, альбигойцы. Манихейская традиция, на наш взгляд, неоднократно проявилась в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Но, прежде всего, заметим, что в этот роман манихейская традиция была транслирована Г. С. Сковородой, точнее его идеями. Сковорода и его идеи – это киевское «впечатление» М. А. Булгакова, которое оказало на творчество писателя очень серьёзное влияние. Именно сковородинское слово в основном интерпретируется и зашифровывается М. А. Булгаковым, именно оно является главным источником булгаковского романа, именно идеи Сковороды в наибольшей степени представлены в «Мастере и Маргарите» явными и скрытыми цитатами и многочисленными вариациями. Мы полагаем, что такое серьёзное влияние Сковорода оказал не только на М. А. Булгакова. Можно сказать, что его идеи были транслированы российской и украинской религиозно-философским традициям в целом, а через них – и традициям литературным, о чём нам также уже доводилось писать [2].

Российские философы В. Ф. Эрн и Г. Г. Шпет отмечали, что во многих произведениях Сковороды наблюдается противоборство двух начал – христианского и гностического (кстати, и сам Сковорода жаловался в одном из писем на то, что его сочли за манихея и еретика). Манихейская традиция в определённом виде нашла отражение в сковородинской теории «трёх миров» (Сковорода, таким образом, даже «дополнил» манихейскую космогонию двух миров). Согласно этой теории, главный мир – макрокосм, который можно понимать и как мир космический, или божественный, и как мир природный. Такое понимание главного мира по существу сближает теорию Сковороды с пантеизмом – сомнительным, с точки зрения догматически-ортодоксального христианства, течением. Два других мира – частные по отношению к первому. Это мир символический, или библейский, и мир земной, человеческий, или микрокосм. При этом чаще всего мир символический, или библейский выступает в роли связующего звена между макрокосмом и микрокосмом, хотя иногда посланники мира космического могут непосредственно являться представителям мира земного. Каждый из этих миров имеет две натуры, что вполне естественно для манихейства, причём одна из этих натур видима

или явна, а другая – невидима и тайна (впрочем, при определённых условиях и тайная натура может стать явной). Так, например, у человека есть две натуры, т. е. два тела и два сердца: земные и духовные. Таким образом, человеку, как и миру в целом, присуща дуалистическая природа, и со смертью его земной, или «внешней», натуры, не умирает духовная, или «внутренняя», натура человека. В «Мастере и Маргарите» читатель сразу же встречается с «тремя мирами». Мир земной, человеческий, или микрокосм представлен Берлиозом и Иваном Бездомным. К ним является посланник космического мира, в своём явном виде выглядящий как Коровьев – Фагот (об этом персонаже мы будем ниже говорить особенно подробно), а затем, по ходу действия романа, проявляющий и свой тайный образ рыцаря. Но, в основном, макрокосм связан с микрокосмом символически – через разговоры и повествование о Христе – Иешуа. Кроме того, учение Сковороды о «внешней» и «внутренней» натурах проявляется в романе М. А. Булгакова и в том, что у его персонажей главенствует и проявляется их истинное естество. У одних, в первую очередь, конечно же, у Мастера, главенствует их духовное начало, а у других проявляется их брeнная и даже животная натура. В результате чего они и превращаются в животных (например, в борова).

В философских построениях Сковороды, нашедших отражение в романе М. А. Булгакова, содержится также ещё одна сомнительная с точки зрения догматически-ортодоксального христианства концепция – концепция поиска покоя. Каждый верующий христианин стремится стяжать святость и, соответственно, заслужить свет. Отсюда, и этимология выражения «оказаться на том свете». Но, Мастер, как известно, «не заслужил света, он заслужил покой». Впрочем, в православных заупокойных молитвах понятие «место покойне» также присутствует. Тема искания покоя является одной из «сквозных» тем как философских, так и поэтических произведений. Именно покой представляется Сковороде наградой «истинному» или духовному человеку за все его земные страдания. И покой, который приобрёл Мастер, есть в глазах и Сковороды, и М. А. Булгакова наградой не менее, а, возможно, и более значимой, нежели свет. Тем более что Мастер, будучи человеком «истинным» или духовным, святым всё же не был. Необходимо заметить, что тема поиска покоя разрабатывалась

также Достоевским и о. Павлом Флоренским. Но некоторые исследователи отмечают влияние сквородинских идей на творчество Ф. М. Достоевского, а о влиянии этих идей на российскую и украинскую религиозно-философскую мысль уже было сказано.

И, наконец, о последнем сквородинском «впечатлении» М. А. Булгакова. В «Мастере и Маргарите» нашли, помимо всего вышеперечисленного, и этические идеи Сквороды о «сродном труде» и «неравном равенстве». Согласно этим идеям, человек может обрести гармонию души лишь занимаясь тем, что соответствует природным наклонностям, т. е. в «сродном труде». Именно сообразно понятию «сродного труда» определяется выбор своей профессии и Мастером. Кроме того, для обретения гармонии души необходимо соответствие подлинных потребностей человека способам их удовлетворения, т. е. «неравное равенство». А стремление к превышению своих подлинных потребностей и тем более способов их удовлетворения приводит к несчастьям, которые многократно описаны в романе М. А. Булгакова (истории Стёпы Лиходеева, Поплавского, Босого, Сокового и многих других, находившихся в театре Варьете на знаменитом сеансе чёрной магии). Ниже мы ещё будем говорить о роли смеха в наказании многих из этих персонажей.

Справедливости ради следует заметить, что манихейская традиция и творчество Сквороды не исчерпывают ряд идейных и литературных источников булгаковского романа. В романе М. А. Булгакова явно были использованы и апокрифические христианские произведения, и средневековые народные легенды о Пилате. Однако анализ этих источников романа не входит в круг задач данной статьи.

Кроме того, существует определённая взаимосвязь между романом М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и творчеством русских символистов. Можно сказать об интересе и М. А. Булгакова, и символистов к средневековой манихейской ереси рыцарей-альбигойцев. У М. А. Булгакова, по мнению И. Л. Галинской, в образе Коровьева-Фагота скрывается наказанный за богохульные стихи трубадуров-альбигойцев рыцарь; а действие драмы Александра Блока «Роза и Крест» приурочено ко времени «крестового» похода против альбигойцев-еретиков. Кроме того,

совпадают фамилии конферансье театра Варьете Жоржа Бенгальского у М. А. Булгакова и актёра Бенгальского из «Мелкого беса» Фёдора Сологуба, а также весьма схожи слуга Воланда Бегемот у М. А. Булгакова и прислужник дьявола Богемот из «Северной симфонии» Андрея Белого. Таким образом, не будучи в литературном плане символистом, М. А. Булгаков, тем не менее, становится в один ряд с литераторами, считавшими, кстати говоря, одним из своих учителей Сковороду.

Здесь необходимо уделить больше внимания такому персонажу булгаковского романа как Коровьев-Фагот, поскольку именно этот персонаж является ключевым для понимания смеховой составляющей в манихейской традиции. Итак, под этим образом в булгаковском романе скрывался наказанный за богохульные стихи трубадуров альбигойский рыцарь. Как рыцаря Коровьева представляет буфетчику театра Варьете Сокову Гелла. В конце романа Фагот предстаёт читателю как «тёмно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом». В некоторых манускриптах в фиолетовых платьях изображались как раз рыцари-альбигойцы. Что касается семантических компонентов имени Фагот, то их пытались расшифровать уже упоминавшаяся И. Л. Галинская. По её мнению, М. А. Булгаков соединил в этом имени два разноязычных слова: русское «фагот» и французское «fagot». Французское слово обладает значительно большим числом значений, нежели русское. Если последнее ассоциируется исключительно с музыкальным инструментом (а рыцари-трубадуры были не только поэтами, но и музыкантами), то французское входит в такие фразеологизмы, как «etre habille comme une fagot» («быть, как связка дров», то есть безвкусно одеваться) и «sentir le fagot» («отдавать связками для костра, отдавать костром», то есть отдавать ересью). Галинская пишет: «Не прошёл, как нам кажется, Булгаков и мимо родственного лексеме «fagot» однокоренного французского слова «fagotin» (шут)» [1, с. 97]. То есть, Коровьев-Фагот был одновременно и еретиком, и шутом. Еретиками рыцари-альбигойцы были, как говорится, по определению, поскольку их учение напрямую связано с манихейством. И они не могли не совершать поступки, за которые могли и должны, с точки зрения ортодоксального и традиционного христианства, были бы наказаны в загробном мире.

Как объяснил Воланд Маргарите причины наказания Фагота, «рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, ...его каламбур, который он сочинил разговаривая о свете, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал». Как мы уже говорили выше, свет и тьма являлись элементами манихейской космогонии. И эта тема весьма часто обыгрывалась в трубадурской поэзии, причём в понимании того времени в весьма фривольной, даже непристойной и попросту богохульной форме. Вряд ли можно абсолютно достоверно установить, какой же именно каламбур сочинил Фагот, но можно не сомневаться в том, что таких каламбуров в альбигойской трубадурской поэзии было более чем достаточно.

Очевидно, именно альбигойская «модификация» манихейской ереси наиболее ярко проявляет смеховую составляющую манихейства. Здесь сошлись воедино и противостояние манихейства ортодоксальному христианству, причём противостояние в любых формах, вплоть до своеобразного юродства; и игровое начало рыцарства, о чём говорил Й. Хейзинга: «игровой фактор сохраняет полную силу и ещё значительную творческую потенцию в посвящении в рыцари, в награждении ленами, в турнирах, геральдике, рыцарских орденах и обетах...» [3, с. 204]; и свободолобивый дух поэзии. Многие поэты-трубадуры издавали свои произведения анонимно, поскольку опасались репрессий со стороны инквизиции. Вспомним о том, что Коровьёв-Фагот в булгаковском романе ни разу не был назван своим рыцарским именем. Альбигойских рыцарей обвиняли не только в ереси и богохульном смехе, но и в чёрной магии, геомантии (умении видеть потаённое и предсказывать будущее) и некромантии (способности вызывать мертвецов и беседовать с ними). Некоторые из этих способностей Коровьёв продемонстрировал перед уже упоминавшимся буфетчиком Соковым, назвав точную сумму сбережений буфетчика, а также причину и срок его смерти.

Итак, в наказание за типичный для рыцарей-альбигойцев богохульный смех (в силу этой типичности, на наш взгляд, не имеет смысла искать конкретный прототип Коровьёва-Фагота) «тёмно-фиолетовый рыцарь» обречён был превратиться в шута, «прошутить». О шутовстве Коровьёва свидетельствует многое. Это и его манера нелепо, безвкусно одеваться. И его связь с музыкой.

Мы уже говорили о том, что музыкантами были рыцари-трубадуры. Но и шуты были в средневековой традиции непосредственно связаны с музыкой, в частности, с пением. Коровьев в романе называется и «бывшим регентом», и «видным специалистом по организации хоровых кружков». Наконец, о шутовстве Коровьева свидетельствует и его достаточно смешная фамилия. Кстати говоря, очень многие персонажи и окончательной редакции романа, и многочисленных его редакций часто обладают смешными, нелепыми именами. Если вспомнить и те нелепые ситуации, в которые Воланд и его спутники вводили действующих лиц романа, то можно сказать, что смех в «Мастере и Маргарите» является не только преступлением, но и наказанием.

Впрочем, смех в романе М. А. Булгакова выполняет самые разнообразные функции. Это не только, скажем, оппозиционный или карающий смех. Это и даже не столько ироничный (хотя в постмодернистском романе М. А. Булгакова ирония, естественно, присутствует), сколько снисходительный смех Воланда по поводу людей, которых испортил квартирный вопрос. Это и смех, который позволяет отстраниться от жизненных проблем, коллизий и противоречий. Не случайно же, как только тот же Коровьев-Фагот сбрасывает с себя шутовскую личину, он превращается в человека с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом. Возможно, ему не дают покоя воспоминания о тех ужасах, которыми был наполнен «крестовый» поход против альбигойцев-еретиков. Можно, наконец, вспомнить и о том влиянии, которое оказал булгаковский роман на нашу повседневную жизнь. В частности, о том, что роман был буквально «растаскан» на шутки-поговорки, происхождение которых далеко не всегда помнится. Чего стоят хотя бы только: «Вино какой страны Вы предпочитаете в это время суток?», «То же мне бином Ньютона» и т. д.

Следует упомянуть и ещё об одной особенности романа, которая указывает на его родство с альбигойской литературой. Эта особенность проявляется в том, что роман выстроен по тем же литературным канонам, по которым выстроены альбигойские тексты – с использованием приёма «повтор в захвате».

В заключение можно сделать выводы о том, что в романе М. А. Булгакова манихейские идеи нашли своё отражение не непосредственно, а главным образом, в интерпретации Г. С.

Сковороды. Но, это отнюдь не снизило манихейское влияние на «Мастера и Маргариту». Более того, это добавило новые тона в ту палитру неортодоксальности, которая присуща религиозному роману М. А. Булгакова. Манихейское влияние на роман проявляется в самых разнообразных темах и сюжетах романа. Даже в его форме. И одно из проявлений этого влияния – это тема смеха в романе. Точнее те аспекты этой темы, которые связаны с персонажем, скрывающимся в образе Коровьёва-Фагота и являющимся основным носителем смеховой составляющей манихейства.

1. Галинская И. Л. Загадки известных книг.– М.: Наука, 1986.– 128 с.
2. Панков А. А. Религиозные взгляды Г. С. Сковороды и их влияние на российскую философию и литературу // Філософія і література. Матеріали ХІ Харківських міжнародних Сковородинівських читань.– Харків: Прометей-Прес, 2004.– С. 80–83.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня.– М.: Прогресс, Прогресс–Академия», 1992.– 464 с.